

Михаил
ДЕРЖАВИН

Михаил
ДЕРЖАВИН

Вспоминаю, улыбаюсь, немного грущу

Я
везучий

Москва
2017

УДК 792.2.071.2 Державин М.
ББК 85.334.3(2)6-8 Державин М.
Д36

Художественное оформление Г. Федотова
Фотография на переплете: © Михаил Гутерман, А. Поддубный,
а также архива Государственного бюджетного учреждения культуры города
Москвы «Московский академический театр сатиры».

Во внутреннем оформлении книги использованы фотографии
Г.В. Несмачного, В. Осьмушка, М.Н. Пазий, А.Д. Ломохова, А.С. Поддубного,
а также архива Государственного бюджетного учреждения культуры города
Москвы «Московский академический театр сатиры», и личного архива автора

© Галина Смит, Дмитрий Астахов, Виталий Арутюнов, Илья Питалев, Евгений
Одиноков, Михаил Киреев / РИА Новости;

Кадр из фильма «Они были первыми», 1956 год
(Киностудия им. М. Горького / Фото ИТАР-ТАСС);

© Игорь Зотин, Борис Кавашкин, Виталий Созинов, Николай Малышев,
Александр Куров, Александр Саверкин, Юрий Самольго, Карелин Дмитрий,
Михаил Строков, Юрий Белинский, Васильев Виктор, Александр Яковлев,
Николай Малышев / Фото ИТАР-ТАСС

Державин, Михаил Михайлович.

Д36 Я везучий. Вспоминаю, улыбаюсь, немного грущу / Михаил
Державин. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Державин
Михаил. Книги знаменитого актера театра и кино).

ISBN 978-5-699-96351-5

Герой, а по совместительству и автор этой уникальной, во многом
неожиданной книги — обаятельный, блистательный, неподражае-
мый Артист — Михаил Державин. Он один из немногих людей, при
одном упоминании которых на лицах расцветают светлые улыбки!

От счастливого детства в артистической вахтанговской среде до
всероссийской и всесоюзной любви и известности — путь, который
Артист, кажется, даже не шел, а порхал — легко, песенно, танцеваль-
но, шутя, играючи и заставляя хохотать и наслаждаться счастьем,
чудом жизни миллионы зрителей. Неиссякаемый фонтан веселья,
доброй иронии, парадоксального юмора присутствует и на страни-
цах этой книги. Героями этой книги стали близкие друзья Михаила
Державина, его партнеры по театральному и киноискусству — Алек-
сандр Ширвиндт, Андрей Миронов, Анатолий Папанов, Людмила
Гурченко, Татьяна Пельтцер, Лариса Голубкина, Михаил Ульянов,
Марк Бернес, блистательные режиссеры-комедиографы, с кем дове-
лось поработать, — Эльдар Рязанов, Валентин Плучек, Алла Сурико-
ва, Наум Бирман, Анатолий Эйрамджан, и многие другие. С этих
страниц предстанут в неожиданном амплуа даже легендарные пер-
вый и второй тесты Михаила Михайловича — народный артист СССР
Аркадий Райкин и прославленный командир Первой Конной, мар-
шал СССР Семен Буденный. И конечно же, любимая супруга — зна-
менитая певица Роксана Бабаян.

УДК 792.2.071.2 Державин М.
ББК 85.334.3(2)6-8 Державин М.

© Державин М., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017
ISBN 978-5-699-96351-5

Памяти моего отца
Михаила Степановича Державина
посвящаю

Вступление

Профессия актера — чудесная и удивительная, но есть у нее один минус. Она зависима. Порою ждешь подолгу новой интересной роли с новыми яркими красками, развитием характера, глубоким проникновением в жизнь персонажа, с интригующим и органичным текстом. Вот мне и захотелось наконец — не ждать написанного кем-то, пусть даже классиком, текста, а написать себе текст самому. Ведь жизнь я прожил сам. И кому же лучше меня знать ее и рассказать о ней.

Но поскольку многолетняя актерская привычка к партнерам дает о себе знать, я пригласил поучаствовать и в этой книге моих близких и друзей. Действительно, раз уж они долгие годы были моими партнерами на жизненной сцене, я предложил им и здесь рассказать — так, как они умеют, беспристрастно, ярко, объективно — обо всем, что только захотят. И я ничуть не ошибся в своих ожиданиях: в этой новой для меня роли Пана Мемуариста друзья и близкие отлично поддержали меня — партнерски, сценически. Наше общее повествование порою даже переходит в диалог, в душевный разговор. А с разговорами — я с детства знаю — книжки интереснее.

Кстати, многие мои сценические партнеры, по какой-то удивительной игре судьбы, были в то же время мне и близкими людьми. Кто-то из них был (и остается) женой, кто-то — родственником, кто-то — другом. А такой мой бессменный партнер по кино и театральной сцене, как Шура Ширвиндт, мало того, что с самого детства мой близкий друг, так еще и соавтор, и хурук всех наших юморесок. Поэтому его вклад в эту книгу трудно переоценить.

Заранее хочу извиниться перед читателем, привыкшим к «разоблачениям и ужасам» из жизни «кумиров». Так уж получилось, что поскольку все рассказывали обо мне действительно объективно и правдиво, рассказать удалось... только хорошее. Зато всё без утайки и предельно откровенно! Согласитесь, это в мемуарах редкое явление. Поэтому вам, дорогие читатели, предстоит с неусыпным напряжением восторга, буквально тая от восхищения, следить за тем, как развивались все блистательные качества моей личности.

Без ложной скромности скажу, я не был Закадром Внекадровичем Нетронутым, был смолоду обласкан зрительской любовью и всесоюзной известностью, но... Все-таки много ролей не было сыграно. Сыгран Медведь в «Обыкновенном чуде», но не сыгран Ланцелот в «Драконе», сыгран Тартюф, но не сыгран Журден... Сыгран Бобчинский в «Ревизоре», но не сыгран Фирс в «Вишневом саде», сыгран Телятев в «Бешеных деньгах», но не сыгран монтер Мечников в «12 стульях»! Сыгран сэр Джордж в «Трое в лодке», но не сыгран негр Джим в «Томе Сойере»... И так сетовать на обделенность можно долго. Практически до бесконечности. То есть сетования могут в общем-то занять всю жизнь. Кстати, этим эффектно занимаются многие мои коллеги, а я почему-то не хочу. Удивительно, но я доволен всем. Для кого-то это изумительно, невероятно, но это действительно так!

И этого я от души желаю всем своим коллегам, и всем соотечественникам, и всем жителям планеты Земля — самой уникальной, комфортной, обжитой в нашей Солнечной системе.

Что ж, несмотря на множество нереализованных возможностей (а у кого они все реализованы? — спрошу я вас), сыграно немало. Но в этой книге я предстаю не в самой привычной для себя роли. А именно — в роли Михаила Михайловича Державина, оттого прошу читателя о снисхождении. Впрочем, эта роль все-таки исполнялась мной изредка — в спек-

Вступление

такле «Андрюша» (о моем друге Андрее Миронове), отчасти в спектакле «Счастливых-Несчастливых», а также во время моих недолгих прогулок от театра к дому и обратно.

Конечно же, с любимой супругой Роксаночкой я не был ни Паном Ведущим, ни Тартюфом, ни Телятевым, а был самим собой. Впрочем, иногда с ней я и сам не понимал — кто я и где, на каком по счету небе, так был счастлив.. Но оставим подробности для последовательного рассказа в самой книге.

Разумеется, всю жизнь не втиснуть в несколько переплетенных тетрадок, но ведь и в текст роли, киношной или театральной, нельзя втиснуть всю жизнь персонажа, все его мысли и душевные движения.. — многое зритель должен угадать, домыслить. Это закон драматургии. В пьесе и в жизни должен быть воздух. И я надеюсь, тот воздух счастья и восторга от жизни в искусстве кино и театра, которым я дышал, окутает и вас, мои дорогие зрители-читатели! Вы будете дышать им, пока листаете страницы этой книги.

Здесь же я хочу выразить сердечную благодарность и признательность всем, кто оказал мне неоценимую помощь в создании этой книги — супруге Роксане Рубеновне Бабаян, сестре Анне Михайловне Державиной, дочери Марии Михайловне Золотаревой, другу Александру Анатольевичу Ширвиндту, директору Театра сатиры Мамеду Гусейновичу Агаеву, композитору Владимиру Леонардовичу Матецкому, поэту Михаилу Зеликовичу Шаброву, профессору Юрию Леонидовичу Арзуманову, моим товарищам — актерам Театра сатиры Вере Кузьминичне Васильевой, Алене Юрьевне Яковлевой, Юрию Борисовичу Васильеву, Федору Викторовичу Добронравову, Михаилу Борисовичу Владимирову, Марине Павловне Ильиной, заведующей труппой Брониславе Сергеевне Чунихиной, заведующей музеем театра Марине Александровне Калининой, редактору пресс-службы Бединадзе Лиане, главному администратору театра Гинову В.В.,

Михаил Державин

зам. директора по работе со зрителями Багарникову Александру и всем другим прекрасным людям моего родного Московского Театра сатиры.

От всей души благодарю профессора, академика РАН Бузиашвили Ю.И., академика РАН Насонова Е.Л., руководителя отделением травматологии и ортопедии, профессора Макарова С.А., Тарасову Г.М., старшего научного сотрудника, кандидата медицинских наук.

Отдельная великая благодарность — врачам московской городской больницы имени С. П. Боткина, на которых мне удалось полностью взвалить ответственность за продление моей жизни, в частности: профессора, член-корр-а РАН, заслуженного врача РФ, глав. врача ГКБ им. С.П. Боткина — Шабунина А.В. и заведующую терапевтическим отделением Смирнову И.М. Сам удивляюсь, как им это дело замечательно удается! Поэтому тот факт, что эта книга написана и издается, — и их неоспоримая заслуга.

Хочу поблагодарить настоятеля храма Преображения Господня на Песках, протоиерея Александра Турикова и его семью, а также Иеромонаха Филарета.

А теперь мой дорогой зритель, а ныне читатель, — в путь! Теперь обо всем по порядку.

Глава первая

Ах, Арбат, мой Арбат...

Собачья площадка

Происхождение у меня отнюдь не аристократическое, как думают многие, судя по «великосветской» фамилии, а самое что ни на есть рабоче-крестьянское. Отцовские корни уходят к крепостным знаменитого поэта Гаврилы Романовича Державина, которые звались Захаровы. Папа мой еще успел побыть Захаровым. Но когда он, молодой рабочий металлургического завода, поступал в театральное училище, а точнее, в студию Евгения Вахтангова, ему посоветовали поменять фамилию — среди учащихся уже числилось немало Захаровых. И папа решил стать Державиным, вспомнив о том, что крепостных Гаврилы Романовича в его подмосковной деревне называли «державинские».

Кстати, в начале 90-х в связи с моим «загадочным» происхождением случилась забавная история. Во время гастролей Театра сатиры в Казани президент Татарстана Минтимер Шаймиев предложил мне осмотреть деревню Державино, построенную во времена Гаврилы Романовича. Поехали вместе с директором нашего театра Мамедом Агаевым в правительственной машине. Оставили ее у околицы села, пошли дальше пешком. Державино — село большущее, со светлыми одноэтажными домами, чистыми

шторками на вымытых окнах. Справа — реставрируют старинный православный храм, слева — мечеть стоит, новенькая, недавно возведенная и похожая на космический корабль. Хоть и выходной день, но прохожих почти нет: непогода — сыро, холодно, ветрено, село как будто вымерло — все посиживают по своим углам. Только вдалеке, в овраге, — немногочисленная погребальная процессия. И вот от нее отделяется и идет к нам милиционер: «Вы здесь что-то ищете?» Мамед улыбнулся: «Да вот, Михаил Михайлович приехал приватизировать свою деревню». Страж порядка тут же принял стойку «смирно», ведь это было время, когда все приватизировали... И назад мы возвращались уже под аккомпанемент многочисленных приветствий — почти от всех ворот, из всех окошек махали нам руками, новость разлетелась быстро.

Мой же дедушка по линии мамы, Иван Алексеевич Дроздов, был начальником Первого водопроводного участка Москвы, который простирался от улицы Горького до Кремля, и был большим приятелем знаменитого журналиста и бытописателя Москвы — Владимира Гиляровского, «дяди Гиляя». И, кстати, мамин отец налаживал знаменитую водную феерию в Цирке братьев Никитиных в 1910 году. А в здании, где когда-то располагался этот цирк, сейчас находится... Театр сатиры, в котором я имею счастье служить и по сей день.

Вообще, я думаю, мне очень повезло появиться на свет в семье народного артиста РСФСР Михаила Степа-

Ах, Арбат, мой Арбат...

новича Державина¹, ведущего артиста Театра Вахтангова. Самые известные его кинороли — это Петр Артамонов в фильме «Дело Артамоновых» (1941), маршал Муравьев, прототип Георгия Константиновича Жукова, в фильме «Великий перелом» (1945) — за эту работу он был удостоен звания лауреата Сталинской премии первой степени. Отец еще неоднократно воплощал на экране образы известных личностей советской и рус-

¹ ДЕРЖАВИН МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ, (12 (25) июля 1903 г., село Аксиньино, Московская губерния — 30 июля 1951 г.).

Был рабочим металлургического завода. В 1924 году поступил в Студию Евгения Вахтангова. В 1928 году зачислен в труппу Театра имени Вахтангова. Основное внимание в своем творчестве уделял раскрытию черт русского характера. С большой внутренней силой и обаянием играл Михаила Кутузова («Фельдмаршал Кутузов», 1940); тонко обрисованные бытовые детали придавали глубокому и значительному образу национального героя мягкость, простоту, человечность. Лучшие черты своего современника Державин воплотил в образе Макара Дубравы в одноименной пьесе А.П. Корнейчука. Заслуженный артист РСФСР (1942). Народный артист РСФСР (1946). Лауреат Сталинской премии (1946, за фильм «Великий перелом»). Награжден орденом Ленина (1946).

Театральные работы: помощник начальника станции («Барсуки» Л. Леонова); Кутузов («Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева); Макар Дубрава (одноименная пьеса А. Корнейчука); Леонато («Много шуму из ничего» В. Шекспира); Егор Булычев и Павлин («Егор Булычев и другие» М. Горького); Киров («Крепость на Волге» И. Кремлева); Боцман Швач («Разлом» Б. Лавренева); Дудькин («Темп» Н. Погодина); Рагно («Сирано де Бержерак» Э. Ростана); Тихон («Гроза» А. Островского).

ской истории. В картине «Глинка» (1946) сыграл знаменитого поэта Василия Андреевича Жуковского, в киноленте «Сталинградская битва» (1948) сыграл Клима Ворошилова. Одна из самых известных театральных работ отца — роль победителя Наполеона Михаила Илларионовича Кутузова в спектакле «Фельдмаршал Кутузов» (постановка Николая Охлопкова 1940 года).

Поступив после окончания студии в Театр имени Евгения Вахтангова, отец частенько играл в теннис во дворе дома в Большом Левшинском переулке, где жили актеры-вахтанговцы. Там он и познакомился с моей мамой, жившей по соседству, они полюбили друг друга, поженились — и в 1936 году появился на свет я.

Меня принесли из роддома (кстати, это знаменитый родильный дом имени Грауэрмана, где родилось и мно-

**Арбат стал для меня микро-
миром, в котором умещалось
все — детские игры во дворах,
мороженое, газировка, кино-
театры, музеи...**

жество моих друзей — Марк Захаров, Александр Ширвиндт, Андрей Миронов) в дом моего деда в Большом Левшинском переулке. Именно здесь

находился когда-то Первый Московский водопроводный участок, здесь была контора и квартира деда — отца моей мамы, Ираиды Ивановны. Там я, по мнению родных, просто великолепно провел первый год своей жизни.

Напротив, подъезд в подъезд, стоял первый дом Театра имени Вахтангова. Вскоре неподалеку построили для вахтанговцев новый — восьмизэтажный, и папа получил в нем квартиру. Вплотную к нашему дому располагалось Театральное училище имени Щукина (теперь театральный институт им. Бориса Щукина).

Ах, Арбат, мой Арбат...

Арбат стал для меня микромиром, в котором умещалось все — детские игры во дворах, мороженое, газировка, кинотеатры, музеи... ну и, конечно, центром, средоточием этого чудесного мира был папин Театр. По соседству с нами жили Рубен Симонов, Цецилия Мансурова, Андрей Абрикосов, Виктор Кольцов, да все знаменитые вахтанговцы-основоположники. Со всеми актерами я был на короткой ноге.

Знаменитая Собачья площадь

Мы жили рядом со знаменитой Собачьей площадью, которая сейчас уже не существует. Это была маленькая площадь в центре Москвы, рядом с Арбатом. В центре площадки находился маленький фонтан, который называли памятником собаке, хотя на самой стеле были барельефы львов. А вокруг располагались изумительные старинные двух-, трехэтажные особнячки, построенные после войны и пожара 1812 года, больница имени В. Ф. Снегирева, музей быта 1840-х годов, Музыкальное

училище имени Гнесиных. Я помню самих бабушек Гнесиных, которые приходили заниматься со студентами.

На Собачьей площадке стояли пивные, каждая из которых имела свое собственное имя. Та, которая была рядом с домом, где жил академик Вавилов, называлась Вавиловкой. Она была знаменита не только тем, что зимой там подавали подогретое на плиточке пиво с крабами на закуску, но и тем, какие люди там собирались. Ходить в Вавиловку я начал, кажется, с самого младенчества — не выпивать, разумеется, а смотреть на великих, а это тоже своего рода зависимость, еще покруче алкогольной.

Внизу под Собачьей площадкой находился Большой Николопесковский переулок. Почему такое название? До революции там стояла церковь Святителя Николая Чудотворца, «что на Песках», и было кладбище. Урочище Пески в этой местности известно с XIV века. Прежние названия улицы: Первый Николопесковский переулок, Николопесковский переулок и Стрелецкий переулок. С 1934 до 1993 года улица носила имя Вахтангова в честь основателя находящегося здесь Театра имени Евгения Багратионовича Вахтангова.

В начале 30-х церковь снесли и на этом месте построили дом, в котором жили вахтанговцы, а через пятнадцать шагов — театральное училище имени Щукина. Заканчивалась улица служебным входом театра Вахтангова и английским посольством. Рядом стоял двухэтажный особняк, который принадлежал некогда композитору Александру Николаевичу Скрябину. Сейчас в нем располагается мемориальный музей Скрябина — место притяжения московской интеллигенции и зарубежных туристов. Рядом — домик в два этажа, где располагалась студия Шалапина.

**Вспоминает Анна Михайловна
Державина, сестра автора:**

«Потрясающая улица! Там была булыжная мостовая, и Мишка, когда прилетал из школы, обязательно притаскивал какие-нибудь железяки, дощечки и что-то мастерил. Так он собственноручно сделал самокат. А еще у него крючок был специальный — цепляться за борта грузовиков и катиться вслед за ними на коньках — так, чтобы искры летели.

Конечно, эти развлечения взрослыми, мягко говоря, не поощрялись. Когда наш папа снялся в фильме «Дело Артамоновых», по сюжету у его персонажа было трое детей — старший сын Илья Артамонов, средний сын Яков и дочь Татьяна (кстати, я думаю, что он назвал нашу младшую сестренку Танечку в честь этой героини). И папа вечно называл этого Якова «балбесом» по ходу действия фильма. Так вот, это словцо «балбес» необычайно легко и естественно переключалось от сына по роли к сыну в жизни, то есть к Мише.

Частенько, приходя домой после репетиции, папа спрашивал: «Так, где балбес?» А балбес уже на всякий случай сидел под столом, прятался.

Кстати, почему-то, когда я сегодня начинаю рассказывать при Мише об этом, он как-то очень смущается. Ему не очень-то приятно, что он был балбесом. Народный артист РСФСР умело делает вид, что такого не помнит. «Миша, ну ты что? — говорю я ему. — Никто тебя всерьез балбесом не считал. Просто это было такое папино любимое словечко».